
СОЗДАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА РАН – НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ЗАСЕДАНИЕ УчёНОГО СОВЕТА ФНИСЦ РАН 15 НОЯБРЯ 2017 г.

15 ноября 2017 г. в Институте социологии ФНИСЦ РАН состоялось заседание Учёного совета, посвящённое профессиональному празднику – 23-летию Дня социолога, который отмечается в России 14 ноября.

Заседание открыл директор ФНИСЦ РАН, академик РАН М. К. Горшков.

Горшков Михаил Константинович
Директор ФНИСЦ РАН, академик

Уважаемые коллеги! Вот уже 23-й раз мы отмечаем наш профессиональный праздник – День социолога, учреждённый по инициативе профессорско-преподавательского состава и студентов факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета в 1994 г. По-разному за это время отмечали этот день в различных регионах страны: в каких-то университетах устраивались тематические вечера, открытые трибуны, где-то проводились специальные семинары и научные конференции, в каких-то коллективах выпускались приуроченные к этому дню научные труды. Происходили и рубежные мероприятия, посвящённые юбилейным датам – 10-, 15- и 20-летию Дня социолога. За эти годы, по мере развития российской социологии, нарастания в её образовательной и научной сферах количественного и качественного ресурсов, складывалась и практика проведения нашего профессионального праздника.

Нынешний День социолога, который отмечается на нашей академической площадке, мы решили посвятить обсуждению состояния и перспектив развития российской социологии в контексте создания в стране Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. На наш взгляд, этот контекст тем более важен, что последние кризисные годы российской экономики (2014–2016 гг.) не лучшим образом повлияли не только на возможности финансирования, но и на состояние образовательной составляющей российской социологии. Стал сокращаться приём в бакалавриат, на ряд магистерских программ, а соответственно, сокращаются и штаты профессорско-преподавательского состава социологических кафедр. Невольно возникает вопрос: на какую

же планку в качественном уровне российской социологии в этих условиях можно рассчитывать, каким окажется социологический образовательный стандарт и что станет с нашей многолетней мечтой сделать изначально необходимый объём социологических знаний межпрофессиональным, когда любой специалист, будь то работающий с техникой или работающий с людьми, обладал бы навыками аналитического мышления и мог предвидеть социальные последствия своей профессиональной деятельности.

Вместе с тем предлагаемый сегодня к обсуждению и дискуссии перечень вопросов важен и в ином контексте — самопонимания, самоосознания, а значит, и самооценки нашим профессиональным сообществом реального состояния, достоинств и недостатков современной российской социологии. Создание Федерального центра — хороший побудительный мотив для нашей профессиональной рефлексии, проведения инвентаризации всех составляющих социологической науки и социологического образования. На мой взгляд, только с учётом результатов проведения этой, безусловно, сложной, но и, безусловно, необходимой работы можно будет понять следующее:

- В какой мере российская социология выполняет сегодня три свои фундаментальные функции: а) является современной наукой о современном обществе, его настоящем и будущем; б) выступает наукой для общества, смысл которой понимается самим обществом и в) является способом самопознания общества, действительных движущих сил его развития.
- Что означает создание Федерального социологического центра? Это смена вывески, наш ответный благожелательный шаг в адрес научной бюрократии? Или это возможность использовать шанс для профессионального смотра, укрепления и мобилизации наших рядов в целях подъёма отечественной науки на новый качественный уровень?
- Насколько обоснованны нередко звучащие в нашем научном сообществе претензии к властным структурам по поводу недооценки роли социологии в организации и управлении современного общества, игнорирования результатов и рекомендаций социологической работы. Всегда ли мы можем быть уверены в том, что социологи научно выверенно и доказательно отвечают на запросы социальной практики и очень убедительны в своих рекомендациях?
- Что представляет собой наше социологическое сообщество в контексте разнопредметной, разносмысловой, разноориентированной общественной жизни страны? Добиваясь своей должной роли в государстве и обществе (как мы её понимаем), на какое отношение к себе со стороны государства и общества мы могли бы (да и вправе) рассчитывать? Есть сложившееся (по крайней мере, так считается) массовое восприятие роли в сегодняшнем обществе литературы и искусства, морали и религии, экономики и права. А какова суть восприятия обществом социологии и социологов? Сколько

ещё будет оставаться живучим массовый образ социолога как «человека с анкетой», составляющего всякого рода рейтинги, а не человека с аналитическим складом ума?

Есть, конечно, ещё многое, что хотелось бы понять в ходе осуществления назревшей «инвентаризации» поля нашей научной, образовательной, издательской деятельности в целях эффективной организации работы ФНИСЦ. Но, как мы с вами хорошо знаем, выявление оценки, самооценки — это почти всегда сравнение, сопоставление. И здесь нельзя не сказать, что мы ещё не избавились от комплекса 1990-х годов «посыпать голову пеплом». А иначе говоря, давая своим возможностям заниженные оценки, искать ответы на насущные вопросы о состоянии и перспективах развития постсоветского общества в источниках западной социологии (прежде всего американской). Не случайно одним из первых в перечне вопросов, предложенных для нашей дискуссии, поставлен вопрос о сильных и слабых сторонах российской социологии сравнительно с социологией в ведущих странах Запада и Северной Америки.

Я не буду опережать ход нашей дискуссии и подробно высказываться на сей счёт. Замечу только в заключение своего вступительного слова следующее.

Сегодня в российской социологии утвердились открытость и плюрализм, идёт действительно свободный, местами творческий процесс переосмысления доминирующих в мировой литературе теоретических направлений, с тем чтобы понять, могут ли они быть использованы для анализа российской социальной реальности в её политическом, экономическом и социокультурном измерениях. При этом российская социология не просто связана, а во многих случаях активно сотрудничает с зарубежными социологическими школами, направлениями, научными центрами и университетами. И в этом одно из её преимуществ, поскольку она не замкнута в рамках исключительно самобытных характеристик.

Вместе с тем во многих социологических школах (и прежде всего в странах БРИКС) укрепляются тенденции использования таких источников и таких результатов социологических исследований, которые соответствуют национальной культуре и актуальным запросам конкретного социума. Можно заметить, как от конгресса к конгрессу, от форума к форуму Международной социологической ассоциации появляется всё больше примеров того, как национальные социологи активно разрабатывают самобытные методологии и теории исследований, предлагая мировому социологическому сообществу оригинальные и необычные научные тренды, в которых находят отражение общее и специфическое в национальном общественном развитии.

Современная российская социология, к большому сожалению, во многом утратила преемственность с дореволюционной социологией. Можно сказать, она пережила в 1990-е гг. подражательный этап своего развития и оказалась в качестве «догоняющей». До сих пор она ещё не в полной мере отвечает императивам времени, предлагая концепты, не во всём соответствующие её действительным интеллектуальным достижениям прошлого и настоящего. Отсюда

естественным образом исходит неперенное условие плодотворности развития современного российского социологического поля, которое должно сложиться вокруг ФНИСЦ, – поля, которое бы учитывало на основе *научно-критического осмысления накопленное западными социологическими школами знание, причём учитывало непременно в контексте использования багажа социологического знания собственных школ в изучении и объяснении российских реальностей, собственного познания прошлого, настоящего и будущего России.*

Яницкий Олег Николаевич

Доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Уважаемые коллеги! Я назвал своё выступление **«Российская социология в глобальном контексте»**, поскольку мы должны прежде всего ориентироваться на то, что происходит в мировой социологии и какие проекты реализуются в развитых и развивающихся странах. Лидером на сегодняшний день является проект по глобальным рискам, осуществлённый Всемирным экономическим форумом в Женеве. Этот проект ведётся с 2015 г., и это исследование повторяется в разных вариантах ежегодно. В проекте участвуют более 200 стран, 450 экспертов, включая социологов, политологов и других специалистов и гражданских активистов. Из России участников не было. Второй по масштабу глобальный проект – это энергетика, где лидерами являются австрийские и немецкие учёные. Тут лидер Австрия. В этом проекте участвуют 40 стран, но тоже без России. На третьем месте по масштабу (подчёркиваю, только по масштабу) мой проект «Города Европы», который я осуществлял ещё в 1980-е гг., в котором участвовали представители 16 европейских стран, включая трёх российских учёных.

Теперь о геополитических проектах. Самый большой из них по замыслу и охвату стран – китайский – «Новый шёлковый путь». Это геополитический проект одновременного прорыва Китая в Европу и страны Юго-Восточной Азии. Отрадно, что российские компании и специалисты в нём участвуют, т.к. это огромный глобальный проект. Второй – это проект город Неом в Саудовской Аравии на берегу Красного моря. Планируется, что в нём будет всё новое: новые технологии, полная демократия, но пока это только проект. А вот реальный проект – это Азиатское энергетическое кольцо, которое затрагивает огромную часть Китая, Монголии и Российской Федерации. Конечно, в основе проекта лежит энергетика, но он затрагивает всё: природу, население и его образ жизни, инфраструктуру и т.д. И этот проект, в частности, предполагает спуск (понижение уровня) озера Байкал, для того чтобы алюминиевые и другие предприятия получали дополнительную прибыль.

Глобальная ситуация изменяет масштаб и структуру деятельности некоммерческих организаций. Уже сложилась сеть из почти полутора тысяч таких организаций более чем из 200 стран, и цель этих организаций – устойчивое развитие. Не всегда понятно, что именно это означает, потому что устойчивости в современном мире не может быть без постоянных изменений, но здесь я хотел бы обратить внимание на другое.

Мы раньше смотрели на соотношение научных исследований и гражданского активизма так, что общественные и естественные науки что-то исследуют, доказывают валидность полученных результатов, а гражданские активисты бегают по лесам и горам и кого-то ловят или протестуют. Сейчас ситуация кардинально изменилась. Это уже активисты с университетским образованием и огромным опытом практической работы, которые занимаются всем, в том числе и реферированием международных интернет-журналов, освещающих актуальные междисциплинарные проблемы глобального мира. А наши реферативные журналы, как вы хорошо знаете, приказали долго жить.

Самыми цитируемыми западными авторами у нас и в мире остаются Зигмунд Бауман, Ульрих Бек, Энтони Гидденс, Мануэль Кастельс, Джеймс Урри, причём все они европейцы. В глобальной социологии идёт жёсткая борьба между «академическим колониализмом» англо-саксонского мира (так его именуют в развивающихся странах) и их собственной социологией, которая не только отстаёт от англо-саксонского мира, но и вынуждена использовать его теоретические подходы и методы, поскольку только тогда они получают гранты, стажировку и другую поддержку.

Теперь о междисциплинарных исследованиях. На международном уровне произошёл настоящий прорыв: ещё более года назад два крупнейших совета ЮНЕСКО — по естественным и социальным наукам — приняли решение об объединении, точнее, о слиянии (to merge). Конечно, этот процесс идёт медленно, но есть два взаимосвязанных направления, которые развиваются достаточно интенсивно: глобальное потепление и экономия энергии везде, где только можно.

Мы же пока даже внутри нашей дисциплины иногда не можем договориться. А жаль, потому что крупные научно-образовательные центры нас в этом обгоняют. Есть, послушайте, пожалуйста, Институт нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных наук и технологий. Впечатляет! В какой стране? (Реплика из зала: «В нашей!») Верно, это Физико-технический институт. Вы понимаете, Физтех — это Курчатовский центр, мощный научно-исследовательский, технологический и образовательный кластер, там всё есть.

К сожалению, социологов из РФ сейчас нет в руководящих органах и советах ЮНЕСКО, а раньше были. А ведь в разных российских институтах и академиях есть 50 кафедр ЮНЕСКО, что они делают? Сейчас, кстати, в ЮНЕСКО новый директор, француженка, бывший министр культуры Франции, профессор Одри Азулай. Убеждён, что мы должны восстановить в этой международной организации то место и влияние, которым мы обладали во времена СССР.

О некоторых наукометрических показателях. По данным международного индекса цитирования, в США выходит 57% всех публикаций по социологии в мире, в Европе — 30%, во всех странах СНГ — 0,2%; отдельно по РФ данных нет. Но в любом случае это очень низкий показатель. Социологи РФ в международных журналах тоже представлены недостаточно, я имею в виду их публикации — в среднем одна в три-пять лет. Сейчас не знаю, может быть, профессор Е.Н. Данилова знает более детально. Что касается социологов РФ в качестве вну-

тренних рецензентов, что не менее важно в научных международных научных журналах, то у меня нет данных. Есть только данные там, где я участвую, т.е. в 1–2 онлайн-изданиях. В руководящих органах МСА и ЕСА были (вот профессор В.А. Мансуров говорит, что и сейчас есть, слава богу). А вот чего точно нет, так это регулярного участия в исследовательских комитетах и сетях. Не выступлений на конференциях: съездил, выступил, отчитался, вернулся, — нет. Речь идёт о повседневной политической работе в области социологии: программировании направлений, составлении тематики и программ конференций, съездов, семинаров, т.е. именно о политике в этой области социологии. Я такой не знаю. Наконец, о цитировании российских социологов. У меня нет полных данных, поэтому говорить об этом не буду. Знаю только (опять же по зарубежным источникам), что на Западе знают и цитируют только российских социальных психологов — Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.В. Симонова.

Теперь постараюсь обозначить некоторые насущные, на мой взгляд, проблемы. *Первое.* В мире изменения всё время ускоряются, а политические и социальные институты очень консервативны, они не успевают за изменениями. Поэтому если вы посмотрите на социополитический процесс, то всё время идут какие-то переговоры, принимаются временные договорённости, создаются дорожные карты и т.п. Сегодня такая карта может быть одна, а завтра будет уже другая. Ничего не поделаешь, мир всё время меняется. *Второе* — это исследование самого процесса производства научного знания и связанных с ним технологий. В нашем институте есть маленькая группа, занимающаяся этой проблематикой под руководством Л.А. Козловой. Я посмотрел петербургский журнал, прекрасный журнал, он так и называется «Социология науки и технологии». Вот это направление и надо развивать. Потому что без самооценки динамики социологии как науки нам нельзя развиваться. *Третье:* я уже сказал, что гражданские активисты уже давно не «люди улицы», а очень образованные люди с огромным практическим опытом. *Четвёртое:* одна из тем, которой мы пока мало заняты, — это виртуализация всей социальной жизни. Эта тема давно назрела, но мои коллеги вокруг неё ходят, но всерьёз её поставить как фундаментальную проблему не решаются. *Пятое:* изменение личности как результат изменения процесса социализации. Глобализация создаёт новый тип маргинального человека, и важнейшим фактором этого процесса является ранняя социализация. Весь Запад «стоит на ушах» вследствие разрушения приватности из-за хакерства, и мы страдаем из-за проникновения «чужаков» в нашу личную и семейную жизнь. Вообще нужна новая концепция приватности, какая она будет, я не знаю. Если мы не постараемся хотя бы начать отвечать на эти вызовы, нас зачислят в категорию периферийной социологии, и такие попытки уже есть. Пока не в главных журналах, но такие идеи уже мелькают, особенно в связи с обострением международной обстановки. Зачисление нас в разряд стран-агрессоров или изгоев — это серьёзный глобальный вызов не только российской социологии, но и всем другим наукам.

Теперь некоторые предварительные выводы. Накопленный потенциал российской социологии не соответствует её вкладу в мировую социологию. С моей точки зрения, нет пустого места в социальном мире, как и во всём остальном.

Если нас там нет, значит, это место кто-то занимает. И занимают, к сожалению, не всегда социологи-профессионалы, а политически ангажированные западные коллеги. Я с этим сталкивался не раз, приведу только один пример. Меня однажды пригласили в Массачусетский технологический институт, ведущий американский комплексный вуз и исследовательский центр, как НИУ ВШЭ, только, наверное, ещё больше, с докладом по экологическому движению в РФ. Я думал: почему именно меня пригласили туда? Есть же прекрасный специалист член-корр. РАН А.В. Яблоков. Почему именно меня выбрали? Приехал, выступил, всё было прекрасно, а потом меня зазывает в свою комнату организатор семинара профессор Лорен Грэхэм, специалист по русской науке, он сюда приезжал часто. Он спрашивает: «Олег Николаевич, а Вы бы не могли узнать, какие статьи в 1930-х гг. Ваш отец, работая над Большой советской энциклопедией, выкидывал из неё?» Вот иногда для чего мы нужны. Вот этого мы не должны допускать.

Берусь утверждать, не меньше 150 сотрудников нашего ФНИСЦ РАН могут уже завтра написать статью в международный социологический журнал и тем самым продвигать нашу точку зрения на мировую арену. К тому же у нас появились два сильных конкурента. Это мобильные малые группы (т.е. проекты) и малые исследовательские институты, чаще всего неизвестно кому принадлежащие. Иногда кто-то из бизнеса их подкармливает, иногда ещё кто-то. Они занимают то поле социологии, которое является нашим полем. И второе, не менее важное, на международном социологическом поле. Это институты не наши, а западные, конструирующие социальные знания, инсценирующие, как называет профессор С.А. Кравченко, и затем вбрасывающие их в СМИ. То есть тема исследования связи между социологической наукой и СМИ становится чрезвычайно актуальной. К тому же внутри нашей социологии образовался странный разрыв: одни преимущественно заняты российской проблематикой, другие – только западной. Приведу пример. На недавних Харчевских чтениях был очень интересный доклад профессора И. Ф. Девятко из НИУ ВШЭ, она же наш сотрудник. Доклад по метатеоретическим проблемам. Однако в нём были ссылки только на западных авторов. Как будто у нас не было ни Г. П. Шедровицкого, ни Бориса Сазонова, ни Нины Наумовой, ни Эриха Юдина, ни Вадима Садовского, ни члена-корреспондента нашей академии наук Сергея Курдюмова, создателя синергетики, ни даже академика Д. С. Лихачёва, основателя краеведения как междисциплинарной системы знаний и действий. Вот просто нет, и всё. Спасибо за внимание.

Козловский Владимир Вячеславович
Доктор философских наук, профессор,
директор Социологического института ФНИСЦ РАН

Добрый день, дорогие коллеги! Мы обсуждаем даже не глобальные проблемы, а, я бы сказал, планетарные проблемы социологии, поскольку Федеральный социологический центр, как было заявлено, претендует на роль не только российского, но и мирового лидера. Я понимаю, что организационные перемены

действительно могут быть основанием для новых перспектив и новых проектов и в данном случае уже сейчас формируется общий для центра научный план. Но вот что интересно: охватывает ли тематика исследований центра те самые проблемы, которые действительно являются острыми как для практики, как для социологического сообщества, так и для общества в целом, и для власти в том числе?

Вот, например, Игорь Анатольевич Голосенко, с которым мы работали, мне говорил, что советская социология ничего хорошего не сделала, что он любит и знает только дореволюционную социологию и, конечно, Питирима Сорокина. Я с ним пытался спорить, говорил: «Ну как же, есть современное общество и оно требует изучения, а изучая только прежнюю историю, мы не сможем решить узловые проблемы современного общества». На что он соглашался и говорил: «Это уже другие пусть делают».

На самом деле, изучая историю социологии, мы каждый раз апеллируем к дореволюционной социологии или к зарубежью, русскому зарубежью. Ну, по крайней мере, раньше. И ещё один поклон, что называется, Западу — в лице западной теоретической и эмпирической социологии. Олег Николаевич говорил, что американским и европейским социологам принадлежит больше 90% публикаций. И из других регионов мира китайцы, наверное, будут стараться штурмовать эти высоты, и они уже делают это действительно напористо и активно.

Встает вопрос: а как себя вести российским социологам? Мне кажется, уже есть признаки того, что российские социологи не просто ждут, пока к ним кто-то придёт, они ведут себя достаточно активно.

В чём же может быть сила российской социологии? Мне представляется, что это вопрос крайне непростой, поскольку есть проблемы, которые требуют именно нашего внимания, и что ресурсы, представленные социологическим сообществом, в том числе и Федеральным центром, могут быть направлены на решение этих проблем. Что я имею в виду? Прежде всего, конечно, в 1990-е гг. это были проблемы трансформации: куда идёт Россия, каким образом она идёт. Почему-то сегодня в научной литературе эти вопросы отошли на второй план. Хотя речь идёт о том, что это системные перемены и мы переживаем сейчас совершенно новый этап. Это этап нового русского капитализма и нового цивилизационного уклада в России. И мне кажется, что концептуализировать надо действительно на этом уровне.

В этом году мы обсуждали проблемы революции, в частности, значение и смыслы российских революций и провели в Социологическом институте международную конференцию. В следующем году мы планируем провести конференцию от имени Федерального центра с предварительным названием «Научное наследие Маркса: современная цивилизация и капитализм».

В октябре на конференции в Хельсинки, в секции, в которой мы работали, дискуссионным был Вольфганг Кнёбль — директор Института социальных исследований в Гамбурге. Он говорил о том, что проводит европейскую конференцию

о природе современного капитализма в рамках институционального подхода. Поэтому мне кажется, что европейские и российские социологи вполне могли бы поработать над этой проблемой, то есть какой капитализм, и где он развивается. Эта проблема, если вы помните, и для российской социальной мысли в конце XIX века была очень значимой.

Сейчас другая ситуация. Много было прекрасных авторов, которые пытались понять не только аграрную, но и капиталистическую природу России. И по сути дела эта полемика предвосхитила политические перемены. И мне представляется, что мы можем быть интересны и для власти, если действительно затронем какие-то живые, ещё невидимые, может быть, проблемы. Природы того устройства общества и, соответственно, конечно, тех самых практик, которые в обществе реализуются. С этой точки зрения, мне кажется, нужно именно формулировать эту задачу и решать её совместно с европейскими и американскими коллегами. Вот Майкл Буровой активно участвует в дискуссиях с российскими социологами в том числе. И одна из тем, которая здесь заявлена, — «Публичная социология» — это его «конёк». Поэтому мне представляется, что мы можем работать с европейскими социологами на равных. В частности, у меня есть ещё один коллега, с которым мы работаем уже 20 лет — Ханс Петер Блосвальд. Он занимается образованием, жизненными траекториями людей в социальных неравенствах. Социальное неравенство — тема, которая, безусловно, является одной из базовых. Я считаю, что капитализм и социальное неравенство — те ключевые темы, которые должны развиваться, но ими, безусловно, перечень не исчерпывается.

Главная проблема заключается в выработке так называемой стратегии, или стратегий, если угодно. Одна из них — это ресурсная стратегия, которая по сути дела формируется на наших глазах. Она сегодня приобретает некие новые институциональные рамки в рамках созданного Федерального центра. О чем идёт речь? О том, что организационно мы действительно объединились, но мне представляется, что опыта совместной работы у нас пока ещё немного, конечно. Думаю, что прежде всего эта стратегия заключается в активизации наших международных контактов и проектов. Но в этом случае нам самим нужно искать такие новые прорывные направления, которые дадут или могут дать результаты.

Ещё один путь — это публикаторское сотрудничество, в том числе с китайскими учёными, потому что это один из важнейших путей кооперации. Ситуация, когда мы в 1990-е и в 2000-е годы действительно опирались на имеющиеся концепции и теории, разработанные западными коллегами, отчасти позволяет говорить о том, что у нас возникла некая реферативная социология. И тут критика современного состояния российской социологии уже звучала. Я несколько раз уже слышал, в том числе из уст наших молодых коллег, не о периферийной или провинциальной социологии, а о туземной социологии. Это ещё хуже. Налицо то самое посыпание головы пеплом. Конечно, дискутировать с ними невозможно, потому что очень много апломба у наших молодых коллег. Но, тем не менее, мне кажется, что как раз речь идёт о том, что, наверное, надо выпрыгивать из той скорлупы, в которой мы оказались. Я бы так это обозначил.

И, соответственно, нам нужно думать о том, каким образом могут строиться отношения в Федеральном центре. Ясно, что возникает некоторая институциональная иерархия. И мне кажется, что здесь надо пойти по пути каких-то новых образований, которые позволят осуществлять панельные российские исследования. Можно привести пример из той же практики Блосфельда. Он получил на свою панель изучения образования в Германии 83 млн евро и в течение нескольких лет проводил огромное, мощное исследование, целый конгломерат исследований, в котором участвовало несколько фондов. Может быть, и нам следует пойти по такому же пути? Мне представляется, что необходимо осуществить уход от нашей собственной внутренней герметичности. Иначе мы не получим тех результатов, на которые надеемся в связи с созданием Федерального центра. Спасибо.

Гофман Александр Бенционович

Доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ;

главный научный сотрудник Институт социологии ФНИСЦ РАН

Уважаемые коллеги! Я решительно не согласен с Олегом Николаевичем в том, что тема социокультурных аспектов татуирования в современных обществах, в частности российском, не наша. Тема, которая не нравится Олегу Николаевичу, между прочим, в своё время была утверждена диссертационным советом нашего института и ни у кого не вызвала возражений. Если мы начнём на основании своих вкусовых предпочтений одни темы навязывать в качестве единственно правильных и актуальных, а другие отвергать, то такой путь выбора тематики будет ошибочным. Приведу пример из прошлого наших социальных наук, который это наглядно демонстрирует. В 1970-е гг. известный отечественный медиевист Арон Яковлевич Гуревич рассказывал (я лично это слышал от него) о том, как один наш историк, руководствовавшийся, естественно, своими представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо в исторической науке, вернувшись из командировки во Францию, сообщил своим коллегам примерно следующее: «Представляете, какой ерундой сейчас занимаются французские историки? Они изучают проблему смерти! Что это за проблема такая для историка? Ха-ха-ха! Нашли чем заниматься!» Видимо, этот горе-историк считал важным для исторической науки только то, сколько выковали чугуна и какой собрали урожай; тема смерти и отношения к ней представлялась ему несущественной и несерьёзной. С моей точки зрения, татуирование — это безусловно наша тематика. На мой взгляд, между социологией и социальной и культурной антропологией нет каких-то границ; это отдельный вопрос, не буду сейчас его обсуждать. Подчеркну только, что татуирование, как и другие близкие к нему темы, нравится это кому-то или нет, — важный социальный факт, требующий пристального внимания современных социологов, в том числе российских.

Теперь остановлюсь собственно на предмете нашего обсуждения. Мне кажется, что в нашей социологии сегодня в теоретической сфере сложились две негативные тенденции (о позитивных сейчас говорить не буду). Одна — это до-

морошенные теории, слишком сильно связанные с советским этапом развития социологии и слишком слабо — с тенденциями мировой социологической мысли. Другая негативная тенденция состоит в калькировании западных теорий, иногда качественных, иногда не очень, без серьёзной рефлексии, понимания и адаптации к российским реалиям. В результате получаются жуткие теоретические коктейли. Иногда эти коктейли вообще не поддаются интерпретации и граничат с бессмыслицей. Хуже всего, что подобного рода теоретические поиски и находки часто широко обсуждаются и интерпретируются. Это подтверждает справедливость утверждения Умберто Эко: «Ничто не порождает столько толкований, как бессмыслица». Примеров можно привести много, но здесь я не стану этого делать, тем более что писал уже об этом немало. Упомяну только левацкие теории революции и постколониализма, обожаемые некоторыми западными интеллектуалами и основанные на смеси радикального марксизма, постмодернизма и некоторых других теорий, иногда серьёзных, хотя и искажённых и произвольно толкуемых, иногда изначально слабых. Очевидно, что желательны эти тенденции преодолеть. Необходимо найти некий оптимум в соотношении между включённостью в мировую теоретическую мысль, с одной стороны, и в собственные социологические и социальные реалии — с другой. Пример такого рода оптимума, на мой взгляд, даёт дооктябрьская российская либеральная и реформистская социология, представленная, в частности, именами Е. В. Де-Роберти, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, Я. А. Новикова и др.

На мой взгляд, учитывая роль, специфику и интересы нашего центра, было бы желательнее шире и основательнее разрабатывать фундаментальные, теоретические и историко-социологические темы. Здесь мы наблюдаем во многом попятное движение. Посмотрите, как мало диссертаций у нас защищается по теоретико-социологической и историко-социологической тематике; качество их — отдельный разговор. Все ведь нынче озабочены исключительно «актуальностью». Молодые в эту сферу не идут, потому что как докажешь, что, например, Н.Н. Андреев или А.С. Лаппо-Данилевский сейчас актуальны. Мне кажется, такое отношение к истории социологической мысли — большая ошибка. В данном случае мы повторяем ошибку советского периода, когда отсекаем себя от своего собственного прошлого и мировых тенденций развития.

К сожалению, подобное пренебрежительное отношение к истории социологии сегодня наблюдается во всём мире, и с этим, на мой взгляд, связано, в частности, снижение общего научного уровня современной социологии, а отсюда — и её авторитета в обществе. Это явно не то, в чём мы должны подражать вечно гниющему Западу. Впрочем, там мы всё же находим и противоположную тенденцию. Буквально на днях я получил сообщение из Франции о защите 13 ноября 2017 г. в престижной Высшей нормальной школе Кашана одним моим знакомым исследователем хабилитационной диссертации на тему «Социология первых студентов Дюркгейма, 1887–1902». К сожалению, сегодня я с трудом представляю себе подобную «неактуальную» тему диссертации у нас. В нашей социологии

почти нет исследований, основанных на архивных материалах. Многие темы, касающиеся истории российской и зарубежной социологии, остаются буквально нетронутыми. Почти не представлен жанр интеллектуальной биографии, нет работ, подобных исследованиям Артура Митцмана и Юргена Каубе о Максе Вебере, Стивена Люкса о Дюркгейме, Марселя Фурнье о Дюркгейме и Марселе Моссе и т.п. Есть, конечно, приятные исключения, например, новые исследования петербургских социологов о дооктябрьской российской социологии, Бориса Докторова о позднесоветских и постсоветских социологах. Но это всё же исключения. Мало работ о взаимодействии, взаимопроникновении, взаимовлиянии западных и российских социологических теорий. Всё это очень плохо сказывается на уровне профессиональной культуры нынешних российских социологов и на качестве проводимых ими исследований.

Ещё одна старая болезненная проблема — связь теории и эмпирии. Я хочу отметить, мне приходилось уже писать об этом, что слово «исследование» у нас, к сожалению, чаще всего рассматривается как эмпирическое исследование, а когда речь идёт о теории, то она воспринимается как нечто готовое. И, проводя исследование, я подбираю себе подходящую теорию или парадигму, как из шкафа достают подходящий галстук, пиджачок или костюмчик. Это ошибочное представление, потому что теории не возникают и не используются в готовом виде. Это всегда процесс, процесс *теоретизирования*. В серьёзном исследовании, теоретическом или эмпирическом, он начинается в первый день исследования и заканчивается в последний.

Особая тема и головная боль для теоретика — это проблема операционализации. Часто только начинает человек теоретизировать, его тут же срезают вопросом: а как это операционализировать? Он хватается за голову и в отчаянии перестаёт теоретизировать, поскольку операционализировать результаты его теоретической работы не всегда возможно, или пока невозможно, или же возможно, но неясно, как, когда и кто это сделает. Если сегодня что-то не поддаётся или кажется, что не поддаётся операционализации, то это не значит, что теория плохая. Хочу напомнить, что самые главные социологические понятия — это как раз те, которые ей не поддаются или с трудом поддаются. Поэтому теоретику нужно заниматься своей теоретической работой, не оглядываясь постоянно на то, как операционализировать разрабатываемые им понятия. И не только он, и не только непосредственно в процессе теоретизирования должен думать над этим. Те базовые понятия, которые разработаны ведущими теоретиками современности и которые находятся в центре социологических дискуссий, сложнее всего операционализируются, и это неслучайно. Решение проблемы операционализации имеет важное значение, но оно не должно мешать мыслить ни теоретикам, ни эмпирикам.

Иногда подобные требования исходят от методологов, выступающих в роли своего рода социологической полиции, диктующей, что можно, чего нельзя, что правильно, а что неправильно. В результате получается, что в исследовании методология замечательная, а результаты ничтожные. Разве наша главная позна-

вательная цель состоит в том, чтобы применять методологию? Последняя — лишь путь (греческое слово «метода» означает «путь»), а конечная цель исследований — приращение предметных знаний. Из этого и надо исходить в нашей работе. Прошу меня правильно понять: я не говорю, что надо пренебрегать методологией. Но важно помнить, что это всё же скорее средство, а не самоцель, и получение нового предметного знания невозможно без серьёзной теоретической рефлексии. Для повышения уровня последней, на мой взгляд, необходимо, в частности, ослабить нынешние связи теоретической социологии с постмодернистской философией и литературной критикой и, наоборот, усилить связи с серьёзной исторической наукой, социальной и культурной антропологией.

Тема издания наших трудов на английском и их продвижения за пределы страны обсуждается довольно часто. Но делается в этом отношении слишком мало. Наши социологи, можно сказать, брошены на произвол судьбы. Им говорят: «Ребята, продвигайте свою продукцию, завоёвывайте внешние рынки». Некоторые стараются и по мере возможности «продвигают и завоёвывают». Но это не так просто, также, как и с любыми другими внешними рынками. Нужны определённые институциональные и организационные средства поддержки в этой сфере, англоязычные журналы, помощь в переводах, изданиях и т.д. Иначе невозможно. Без этого мы будем продолжать вариться в собственном соку, и здесь у китайцев есть чему поучиться.

И последнее. У нас есть старая и недобрая традиция гигантомании. Её мы наблюдаем и сегодня. Со всех сторон слышатся призывы осуществлять крупные исследования. Термин «мелкотемье» перекочевал из советских времён в сегодняшний день. Я не против больших тем, но, на мой взгляд, «мелкотемье» (правильно понятое, разумеется) — это то, чего нам часто не хватает. Конечно, это удобно и полезно с точки зрения бюрократического сознания: «крупное» выигрывало при запросах на финансирование проектов, при отчётности и т.п. Но оно не существует само по себе, без «мелкого». Об этом говорил Иван Петрович Павлов, призывая учёных никогда не отказываться от малого в науке, не пренебрегать им, так как из малого строится великое. А мы по-прежнему гонимся за огромными проектами, которые потом делим на более мелкие части. Но для науки это далеко не всегда хорошо. Наоборот, в научном отношении большое часто возникает и строится из малого. Спасибо за внимание.

Валиахметов Рим Марсович

Кандидат социологических наук, директор Башкирского филиала ФНИСЦ РАН

Добрый день, уважаемые коллеги! Я постараюсь обозначить очень коротко некоторые вопросы, которые, надеюсь, будет иметь значение не только для регионов, но и для нашей российской социологии в целом.

Я начну с одного достаточно примечательного документа. Мы должны обратить внимание на июнь 1988 г., когда было принято постановление ЦК КПСС о развитии «марксистско-ленинской социологии в современном советском об-

шестве». Мне кажется, это надо использовать как некий повод, а ещё лучше использовать эту дату. Я считаю, это очень значимый документ для развития не только социологии в России в целом, но и для постсоветского пространства, имея в виду для тех государств, которые возникли после распада СССР, и которые существуют сейчас, может быть, немножко вне внимания отечественной социологии. Кроме того, на мой взгляд, для регионов этот документ имеет принципиально важное значение. Уже в 1989 г., как вы знаете, был первый набор в аспирантуру по социологической специальности.

Первое. Мне представляется, нужно обозначить всероссийскую, а может быть даже и международную конференцию с тем, чтобы не только отметить эту дату, но и проанализировать 30-летний рубеж и посмотреть на него с точки зрения дальнейшего развития социологической науки в России.

Второе. Социология, как никакая другая наука, может и должна выступить в роли интегратора междисциплинарных исследований. И я на нашем башкортостанском опыте убеждаюсь, что действительно именно вокруг социологов собираются экономисты, демографы, даже экологи и представители других наук. Мне кажется, что на самом деле тот потенциал, который есть у нас, у социологов, пока не до конца использован и в этом смысле. И я полагаю, что нужны региональные площадки для развёртывания дисциплинарных исследований в тех регионах, где социология занимает ведущую позицию. И Башкортостан в этом смысле готов стать одной из таких площадок междисциплинарных исследований не только у себя в республике, но и, может быть, где-то в соседних областях, регионах.

И, наконец, *третье.* Я хочу сказать о том, что иногда мы, социологи, сами допускаем очень серьёзную, мне кажется, принципиальную ошибку. Если посмотреть наши учебники по социологии, то легко увидеть, что мы науку, образование, культуру выносим в последние параграфы и разделы. У Э. Гидденса, наоборот, раздел культура, образование, наука в его учебнике по социологии идут первыми параграфами. Мы, как представляется, должны пересмотреть это. Спасибо за внимание!

Андреев Андрей Леонидович

Доктор философских наук, профессор, НИЯУ «МИФИ»;

главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Уважаемые коллеги! Совершенно справедливо многие говорят о том, что социологию ужимают. И здесь закладывается та самая проблема, о которой говорилось во вступительном слове. Следующее поколение государственных служащих, управленцев – что они будут знать о социологии? Я преподаю социологию в нескольких ведущих учебных заведениях Москвы и должен сказать, что интерес у ребят очень большой. Самое главное, что в настоящее время возникает иная ситуация, чем та, которая была ещё сравнительно недавно, которая объективно расширяет возможности социологии.

Но в образовательном процессе происходит нечто обратное. Например, если взять инженерную подготовку. Современный инженер – это уже не только человек, который только проектирует технические устройства или занимается их эксплуатацией. Фактически проектируется вместе с техническими устройствами определённый блок социальных отношений. То есть фактически происходит работа над социотехническими проектами. Причём если раньше такого рода технические усовершенствования меняли какие-то локальные элементы общественной организации – изобретение, скажем, моторных саней изменило жизнь на Крайнем Севере, люди стали больше общаться, стали более мобильными, то сегодня фактически происходит проектирование уже общества в целом. Это цифровое общество, это общество, в котором иначе понимается проблема человека. Это становится социальной проблемой, потому что человек оказывается способным, предположим, целенаправленно трансформировать своё тело, свою генетику, свой организм. Из этого возникают новые проблемы, связанные и с социальным неравенством, и с эксклюзивом, и т.д. Все проблемы очень важны для подготовки кадров и технических, и административных, но их изучение свёртывается. Мало того, те люди, которые работают на кафедрах социологии в учебных заведениях несоциологического профиля, серьёзно отстают в понимании этих проблем. И вот здесь возникает двойная задача. С одной стороны, их надо как-то подтягивать. Может быть, Федеральный социологический центр взял бы на себя какие-то функции по повышению квалификации. Потому что люди на кафедрах находятся под прессом, их постоянно сокращают, читать они, следить за литературой не могут. А существующие курсы, честно говоря, не отвечают потребностям современности и являются несколько оторванными от жизни. С другой стороны, мне кажется, что социологическая общественность должна каким-то образом попытаться повлиять на инстанции, которые принимают решения. Потому что сегодня именно преподавание социологии является ключевым для решения задач воспитания, для понимания современного общества и профессии, которая сегодня обрастает массой таких вот социальных коннотаций. Это очень большая практическая задача и авторитет Федерального центра, возможно, мог бы здесь серьёзно помочь. Потому что ни одна кафедра, которая бессильна перед ректоратом, я уже не говорю о министерствах и так далее, конечно, с этими задачами справиться не может. Но авторитет Федерального центра, мне кажется, здесь мог бы сыграть большую роль. Спасибо.

Лапин Николай Иванович

Доктор философских наук, член-корреспондент РАН

Уважаемые коллеги! Я хотел поговорить немного о другом – о ресурсах и задачах. Мне кажется это ключевой пункт. Всё, что говорилось до того, очень важно, но это некий бэкграунд для реальной работы. А здесь нам важно всё-таки определиться с ресурсами. Мне кажется, что Федеральный центр располагает

очень большими ресурсами и как базами данных, и квалификационными, учитывая состав сотрудников. Поэтому я думаю, вряд ли перспектива центра состоит в том, чтобы заниматься мелкими темами. Кстати, в советское время мелкими темами мало кто занимался. Вспомним исследования, которые вошли в историю советской социологии — это далеко не мелкие темы. Так что, мне кажется, что мониторинговое исследование «Российское общество и вызовы времени», которое ведётся при поддержке Российского научного фонда уже 3 года, это самое масштабное исследование в истории российской социологии, даже по сравнению с советской, в том числе по публикациям.

Теперь о задачах. Конечно, нам не хватает анализа опыта зарубежных исследований. Чем реально они занимаются? Вот правильно говорилось насчёт капитализма. Что именно изучают нынче социологи на капиталистических предприятиях, скажем, в той же Германии или во Франции, или в Англии? Какие проблемы? И как с ними могут соотноситься наши проблемы? Какие у нас есть опыты социологических исследований на так называемых капиталистических предприятиях в России? Кого туда пускают хозяева для проведения этих исследований? Как вы туда попадёте? Как заказчики относятся, мы недавно слышали, в одном из сообщений. Когда закрывают результаты. Исследование — проводите, а результаты — это не ваше, а наше дело. Поэтому это серьёзная проблема даже с данной точки зрения. Но более существенна другая: а всё-таки, что сходного на их предприятиях и на наших? И какой может быть, скажем, у немцев интерес к тому, что делается на наших предприятиях? Я думаю, что интерес может быть, но пока я не знаю, чтобы он был у них. Зачем им это нужно? Из этих 80 млн хотя бы 1 млн дадут на то чтобы провести исследование, которое нам нужно, у нас? Вот в чём вопрос. То, что сейчас у нас происходит, — я не вижу, чтобы им это было нужно.

Олег Николаевич правильно сказал, что несколько десятков людей могут написать статьи для западных журналов. Но опубликуют ли они их? Сомневаюсь. Я думаю, найдутся люди, которые подготовят статьи, но их завернут по разным причинам.

Теперь насчёт наших проблем. В отношении революций на одном мероприятии по поводу столетнего юбилея Октября один из участников отметил, что мы столкнулись с оглушительным молчанием властей предрежащих по поводу этого события. В организациях проходят разные мероприятия. Со стороны же высших эшелонов власти мы не имеем каких бы то ни было оценок. Случайно ли это? Вряд ли. Академик А.А. Дынкин начал с оценки политической ситуации в мире, он отметил, что среди руководителей стран, государств и международных организаций царит стратегическая растерянность по поводу того, что в мире происходит. Я думаю, он знает, о чём говорит, поскольку долго руководил ИМЭМО РАН, который специально этими вопросами занимается. У нас, наверное, ситуация немногим лучше — такая стратегическая неопределённость. Что мы имеем? Куда мы идём? Имеет ли это отношение к социологии? Я думаю, прямое.

С моей точки зрения, ключевая проблема социологического характера отнюдь не нова для России, и состоит в том, что российское общество — я прошу не путать с государством — именно общество не обладает эффективными механизмами саморазвития. И мне кажется, она не единственная, но среди направлений и среди задач центра было бы, конечно, интересно рискнуть начать изучать эту проблему саморазвития как механизм, как способ. Потому что именно отсутствие способов саморазвития в Советском Союзе по большому счёту стало фактором, который привёл к его разрушению, поскольку советское общество не смогло справиться с кризисом системы. В этом отношении было бы хорошо сориентировать аспирантов изучать хотя бы зарубежный опыт. И посмотреть, с чего можно начать у нас, какие здесь есть возможности для изучения этих проблем. Благодарю за внимание!

Винер Борис Ефимович

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт ФНИСЦ РАН

Добрый день, уважаемые коллеги! Я бы хотел высказаться по поводу взаимодействия Федерального центра с социологическими ассоциациями. Мне известны две ситуации, когда польза от научных ассоциаций очевидна. Первая ситуация — это неполная институционализация научных дисциплин. Примерно такая ситуация была в российской империи до 1917 г.: не было факультетов географии и экономики, первый экономический ВУЗ появился в 1906 г., Географический институт был создан в 1917 г. В этих условиях главными организаторами исследований по экономике и географии выступали Российское географическое общество и Вольное экономическое общество. В советской социологии многие организационные задачи, начиная с 1958 г. и до создания ВЦИОМа и в 1989 г. факультетов социологии и превращения ИСИ в институт социологии, решались в рамках Советской социологической ассоциации. А вот, например, Русское историческое общество, созданное в 1866 г., так никогда и не достигло степени влияния Вольного экономического общества и РГО, потому что деятельность историков была зарегулирована министерством народного просвещения.

Теперь другая ситуация, когда очевидна польза от ассоциаций. Это условия децентрализованной науки. Как, например, в США, где Американская социологическая ассоциация координирует работу социологов и защищает их интересы. Те, кто не являются членами АСА, не получают одобрение университета на получение грантовой поддержки, поскольку за них никто не ручается, что будут соблюдены требования этики и т.п. Примером борьбы Американской социологической ассоциации за интересы социологов является случай с социальной психологией в 1950-е гг. Тогда Американская психологическая ассоциация добилась права лицензировать психологов и социальных психологов. И непредвиденным последствием оказалось то, что социальные психологи, которые получили социологическое образование, не попадали под это лицензирование в 47 штатах. Тогда

группа авторитетных социологов выступила по этому поводу со статьёй в журнале «American Psychology» в 1959 г. Т. Парсонс, возглавлявший в этом время в АСА комиссию по профессии, доложил, что АСА и Американская психологическая ассоциация достигли соглашения о том, чтобы социальные психологи могли расширить своё социологическое образование. Помимо этого, Американская социологическая ассоциация издаёт довольно много журналов на взносы и пожертвования и не зависит ни от государства, ни от каких-то грантов и фондов в этом вопросе.

Вопрос, на который мне никто не даёт ответа с 2001 г., когда появилась моя заметка в «Телескопе», — для чего нужна организация, которая не имеет особых функций, отличающих её от прочих типов организаций, каковыми являются научно-исследовательские институты, лаборатории, частные исследовательские центры, университеты и тому подобное? Чем занимаются наши социологические ассоциации и прочие дисциплинарные научные организаторы? Проводят конференции какие-то, какие-то курсы организуют и т.д. Но на самом деле интересов социологов и интересов дисциплин они не защищают. Это относится не только к социологическим ассоциациям, но и ко всем дисциплинарным ассоциациям. Но зато очень эффективными оказываются недисциплинарные организации и структуры. Вот, в России это, прежде всего, Санкт-Петербургский союз учёных, это Общество научных работников, и сообщество «Диссернет». На их действия и заявления бюрократы вынуждены реагировать. Но непонятно, имеет ли право с точки зрения законодательства реагировать на действия социологических и прочих научных организаций Федеральный научно-исследовательский социологический центр. То же самое касается и других социологических государственных организаций. Как должно поступить руководство центра, если ассоциация уличает сотрудников в неэтических действиях или непрофессионализме? А в законе прописано нечто иное или вообще ничего не прописано. Как надо поступать, если ассоциация выступает против министерства, Рособнадзора или ВАК? Я могу напомнить, что благодаря действиям не правления Санкт-Петербургской ассоциации, а рядовым членам, было всё же принят документ против того, что два ведущих социологических журнала — «Журнал социологии и социальной антропологии» и «Социология 4М» были исключены из списка ВАК. Пока же лично я продолжаю оставаться в недоумении, зачем я состою в Санкт-Петербургской ассоциации социологов, если она никак не защищает меня от чиновничьей глупости, и вообще, зачем руководство СИ РАН имеет дело со СПАСом, если от него нет никакой пользы для института. Спасибо за внимание.

Мансуров Валерий Андреевич

Доктор философских наук, профессор, Президент Российского общества социологов

Уважаемые коллеги! Нам необходимо вернуться к проблеме, о которой говорил Николай Иванович. Это проблема ресурсов. Чем мы располагаем и какова динамика развития этих ресурсов, хотя бы даже количественных.

Вот здесь была озвучена проблема, почему органы управления не реагируют на рекомендации социологов, которые основаны на результатах нормальных социологических исследований? Они их просто не понимают. Они не понимают, зачем им это надо. Почему они это не понимают? Потому что у нас в органах управления сидят в основном технари. Они даже языка социологического не понимают. Что нам надо делать? Нужна программа действий, в которой участвуют и все наши многочисленные социологические ассоциации и, конечно, Федеральный центр. Для России очень важно создание этого Федерального центра. Я уже неоднократно говорил, что Россия никогда не будет западной страной. В России никогда общественные организации не будут иметь таких возможностей, какие они имеют в Соединенных Штатах, например. Здесь говорили об американской ассоциации. Так количественный состав этой ассоциации составляет около 300 000 человек. И на одних членских взносах они проживут много лет. Поэтому они и независимы. Это первое. А второе состоит в том, что выпускники отделений политических и социальных наук занимают ведущие позиции в корпорациях, в государственном управлении. И они понимают, на каком языке им пишут рекомендации. И они понимают ценность этих рекомендаций. Следовательно, у нас должна быть программа по внедрению социологических знаний сначала в органы управления разных уровней. А потом вообще среди населения. Ведь население должно быть политически активным, а каким оно может быть активным, если оно не понимает, что и почему происходит.

Российское общество социологов уже в этом году проводило специальное заседание президиума, а также был проведён большой мониторинг. Мы хорошо знаем, что у нас происходит. То, что в два раза уменьшился выпуск — это одно дело, но у нас и количество центров уменьшилось. У нас есть регионы, где вообще практически нет социологов. И они там не нужны. Там есть какой-то опросный центр, и это вполне удовлетворяет региональные органы управления, потому что они им заказывают что-то или пользуются услугами людей, которые приезжают из Москвы.

Итак, первое — нужно социологически образовывать органы управления и нужно социологически образовывать Россию. Можно привести такую аналогию — есть массовая физкультура и есть профессиональный спорт. Так вот чем больше людей занимаются массовой физкультурой, тем легче находить людей для профессионального спорта. В любой профессиональной деятельности также: чем шире база, тем больше возможностей найти каких-то людей, которые будут подниматься выше и качественно расти. Пока мы с этой проблемой никак не разбираемся. Вот Российское общество социологов создало специальную группу по мониторингу социологического образования в высших учебных заведениях. Мы ежеквартально будем запрашивать информацию, и теперь уже у нас люди по определённой схеме спокойно эту информацию будут давать. И мы будем видеть, что там происходит.

В Якутии появилось какое-то социологическое образование или нет? Или в Крыму, где Крымская социологическая ассоциация и РОС создали своё объединение. Сейчас ФНИСЦ пытается создать филиал в Крыму. Мы надеемся, что это будет сделано. Но у нас ведь ещё и другие есть города и веси. Я совсем

недавно побывал в Магадане и с удивлением и большим чувством радости обнаружил, что там до сих пор функционирует отделение социологии в Магаданском университете. До сих пор. В то время как в других более крупных университетах уже таких отдельных отделений нет. Появились департаменты социальных наук, где всё это вместе уже. Итак, первое — это программа.

Второе — международное сотрудничество. Конечно, социология — это не национальная дисциплина, это не национальная наука. И вообще, национальная наука ограничивает развитие науки вообще. Для науки гораздо более широкий простор нужен. Поэтому, конечно, международное сотрудничество — это один из тех китов, на которых держится развитие любой науки, в том числе и социологии. Социология же имеет прекрасные возможности проведения регулярных мероприятий, есть совместные проекты. Я вспоминаю, что была хорошая практика, когда наши грантодатели участвовали в совместном финансировании международных исследовательских проектов. Куда эта практика исчезла?

Что мы имеем на данный момент? Мы надеемся, что во ФНИСЦе снова возникнет что-то подобное тому, что было в когда-то в ИС РАН. То есть у нас всё-таки был план международного сотрудничества. Он расписывался по исполнителям, по странам, тематически готовился. Надо хотя бы что-то сейчас сделать подобное, вернуться к этой практике. Если мы не будем ничего планировать или составлять дорожные карты, как сейчас говорят, так мы никуда и не уйдём.

Здесь только что говорилось о том, какое место мы где-то занимаем. Да, мы многое потеряли, если сравнивать с Советской социологической ассоциацией и нашим международным сотрудничеством. Тогда в значительной части комитетов международных социологических ассоциаций мы были в органах управления. Наши соотечественники даже руководили комитетами. А почему? Потому что политика такая была. Это был абсолютно вопрос политики — необходимость иметь своих представителей во всех исследовательских комитетах ассоциаций. На это выделялись средства, это контролировалось, это поддерживалось. А сейчас нам ставят такие задачи? Нет.

Я думаю, что общественные организации — это не профсоюзы. Здесь прозвучало, что они должны защищать права и обязанности. Нет. Это дело профсоюзов. Социологические ассоциации — это всё-таки научные ассоциации. Однако не будем забывать и о том, что если никто больше защитить не может, то тогда это становится нашей обязанностью. Нам доводилось это делать, мы защищали наших коллег, например, в Тюмени, когда там, извините за прямоту, просто гнобили исследователей, которые по вполне хорошей методологии и методике собрали результаты, абсолютно не удовлетворившие тех, кого они опрашивали. МВД, конечно, такая структура, которая не любит быть открытой, а тут вдруг в ходе исследования что-то приоткрылось. Нам всё же удалось достаточно хорошо их защитить, их не уволили и сейчас они продолжают трудиться.

Я хочу обратить внимание на то, что некоторые наши отделения слабо работают на местах, но это понятно, ведь они все зависимые люди. Они не могут быть независимыми. Это люди, которые работают в университетах либо в каких-то

структурах. Следовательно, они зависят от многих факторов и обстоятельств. И потом, в регионе складываются свои взаимоотношения. Они устоявшиеся, можно сказать, что там есть свои кланы и т.д. Эта вещь очень серьёзная. Но, если говорить о том, что нужно кого-то поддержать, мы всегда готовы это сделать, и мы это делаем. Мы выходим на уровни и министров, и Министерства иностранных дел, когда это было необходимо, и Министерства образования и науки. Федеральному центру иногда сложно выходить с чем-то будет, я уверен в этом. Он же тоже включён в определённую систему и тоже зависим. А мы более свободны. Поэтому нам нужно просто договариваться, делиться мнениями и находить возможности для того чтобы и поднять проблему, и сформулировать её так, чтобы все услышали, и чтобы на неё была какая-то определённая реакция. Я думаю, что здесь координация вполне просматривается, и мы будем это делать. Спасибо за внимание.

Петухов Владимир Васильевич

Кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Уважаемые коллеги! Я полностью поддерживаю идею Александра Бенционовича по поводу обращения к историческому опыту наших общественных наук. Я недавно прочитал работу одного нашего сотрудника, посвящённую творчеству Аксакова и вообще полемике славянофилов и западников по поводу проблематики местного самоуправления. Я понял, что если бы, скажем так, эти работы находились в фокусе внимания нынешних политиков и общественных деятелей, то тех дров, которые с трансформацией этого местного самоуправления наломали в последние годы, могло не быть. Чрезвычайно интересные идеи, мысли, постановки вопросов и так далее.

Теперь я хотел бы поговорить о наших конкретных проблемах, которые лично меня чрезвычайно волнуют. Мы все понимаем, что с образованием Федерального центра мы выходим на какой-то новый уровень задач, которые мы должны решать. Гораздо более весомых и значимых, чем это было раньше. Поэтому, мне кажется, одной из ключевых задач является всё-таки их соотношение с нашими ресурсными финансовыми и кадровыми возможностями. Тут говорили, что мы обеспечены в кадровом отношении. Мне кажется, что отчасти это так, отчасти и нет. Почему? Потому что, мне кажется, у нас назревает очень серьёзный конфликт интересов, связанный с тем, что у нас есть единый заказчик в лице государства, есть две линии наших работ, которые нам категорически не разрешается, не допускается каким-то образом соотносить. Я имею в виду НИРы и работу в рамках тех масштабных грантов, о которых здесь говорили. Это требует колоссального напряжения сил и ресурсов. И мне кажется, одна из важнейших задач, которая когда-нибудь должна быть решена — это доведение до единого теперь уже заказчика, что эти виды работ должны не разводиться,

а наоборот, всячески интегрироваться. Потому что работа по грантам даёт возможность нам экспериментировать, даёт возможность попытаться найти какие-то новые теоретические и эмпирические подходы.

Но как только мы начинаем писать отчёт в рамках нашего НИРа, получается так, что мы должны писать по совершенно другой тематике, публикации ни в коем случае не должны повторяться и так далее. Всем это известно, и мы все в кулуарах об этом постоянно говорим. Возможно, по гранту должны быть какие-то содержательные, действительно исследовательские отчёты, а, допустим, отчёты по НИРу — это какие-то обобщённые выводы по результатам работы подразделения в целом и с возможными рекомендациями. Чтобы была какая-то взаимосвязь. Особенно это касается публикаций, потому что объём публикаций по грантам постоянно возрастает. НИРы мы тоже должны закрывать публикациями. Ссылки невозможны, повторения невозможны, автоплагиат невозможен и т.д. Надо что-то с этим решать, разводить эти два вида очень важных работ — работу по НИРу и работу по гранту. Спасибо.

Маркин Валерий Васильевич

Доктор социологических наук, профессор,

руководитель Центра региональной социологии, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Уважаемые коллеги! Сегодня затрагивался вопрос о социологии в регионах. Я хочу его продолжить, потому что это один из основных вопросов повестки дня. Говоря о глобальных процессах, мы всё-таки не должны отрываться от страны, в которой мы живём и работаем. Если говорить о нашем институте, а теперь о Федеральном центре, то внимание к регионам было всегда в поле зрения руководства. Более того, другие академические институты, насколько мне известно, сокращали филиалы, а наш институт, наоборот, их формировал и развивал. Сейчас у Федерального центра четыре филиала и Социологический институт в Санкт-Петербурге. Но я совершенно согласен с Валерием Андреевичем, что социология в региональном пространстве России распределена крайне неравномерно.

Возьмём четыре признака. Первый — структурный признак социологических сил в регионах: кафедры, центры, институты и направления их деятельности. Второе — это региональные школы наших ведущих социологов и их воспроизводство: расширенное или, наоборот, суженное, в том числе и в диссертационных центрах. Третье — именно диссертационные центры по социологии подверглись наиболее жёсткому секвестру, их остаются буквально единицы. Может быть, с одной стороны, это хорошо и правильно, но, с другой стороны, надо ещё смотреть на те основания, по которым секвестр действует. И наконец, четвёртый признак — это взаимодействие с органами власти, бизнес-структурами и НКО.

Необходимо отметить, что сейчас наши филиалы расположены в тех макро-регионах, которые достаточно плотно социологизированы. Санкт-Петербург наряду с глобальной тематикой закрывает северо-запад и европейский север.

Южный филиал – не только сам юг России, но и Северный Кавказ, то есть осуществляет макрорегиональное, межрегиональное развитие. Западно-Сибирский филиал соединяет Урал и Западную Сибирь, а Башкортостан выступает, в свою очередь, своеобразным мостом между Поволжьем и Уралом. Поволжье тоже достаточно плотная социологизированная структура. Там и Саранск, и Саратов и т.д. Но если мы на этой условной карте пойдём дальше на восток, то окажется, что Центральная Сибирь, за исключением Новосибирска, где есть отдельная школа, недостаточно охвачена социологически. Конечно, там есть разные силы, в некоторых регионах они прибавляются, а в некоторых, наоборот, убавляются. Вот, в Красноярске, например, мы долгое время работали с Немировскими – отцом и дочерью¹. Теперь отец работает в Тюмени, а дочь в Санкт-Петербурге. И тот центр, который на них держался, фактически сейчас распался.

Валерий Андреевич сказал о Якутии, что там якобы нет ничего. Но я хочу сказать, что как раз Якутия на Дальнем Востоке – один из достаточно мощных социологических центров, в том числе и университетских. Больше того, как раз в Якутии на уровне главы республики осуществляется активная поддержка социологии. Поэтому с Якутией мы очень тесно работаем.

Дальний Восток тоже большой и разнообразный. Если взять юг Дальнего Востока, то наибольшие силы сосредоточены в Хабаровске, но они, к сожалению, очень разрозненные. Сейчас формируются социологические силы во Владивостоке и необходимо продумать вопрос о каком-то координационном центре.

И в завершении хотел бы сказать об одной тревожной тенденции в регионах. Здесь разговор был о малых мобильных социологических группах. Так вот эти малые мобильные группы в регионах есть, и коммерческого, и некоммерческого характера. Но значительная часть этих малых мобильных групп, под цветистыми названиями типа «Лидер», «Перспектива» и так далее, демпингуя, выхватывают заказы у органов местной власти и корпораций. Когда смотришь их отчёты, до которых, правда, очень тяжело добраться, видишь, что там сплошная халтура. Конечно, заказчика может это устраивать. Но халтуре нужно ставить заслон и, возможно, это будет в первую очередь Федеральный центр! И, естественно, РОС и СоПСо должны какие-то стандарты в этом плане выдвигать. Вот вопрос из Нижнего был по социологической экспертизе законодательных проектов. Я думаю, что та концентрация профессиональных социологических сил, которая сейчас складывается в рамках Федерального социологического центра, позволяет это делать. Спасибо.

¹ Немировский Валентин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор Красноярского государственного университета (с 2006 г. – Сибирский федеральный университет), с. 2016 г. – ведущий научный сотрудник Тюменского государственного университета; Немировская Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (*прим. ред.*).

Тощенко Жан Терентьевич

Член-корреспондент РАН, профессор, РГГУ,
главный редактор журнала «Социологические исследования»

Уважаемые коллеги! Я имею уникальную возможность в какой-то мере отслеживать поток предложений наших коллег социологов или представителей смежных дисциплин, которые бы они хотели бы озвучить через наш журнал. Понимая, что предложения сосредотачиваются не только на нашем журнале, я ежемесячно просматриваю ещё 25–30 журналов наших коллег. Не только социологических, но и философских, и экономических, и психологических. И именно этим наблюдением хотелось поделиться с точки зрения того, что Михаил Константинович обозначил как выход на новый уровень.

Я кратко сформулирую свои предложения. Первое. Качество наших и публикаций, и работ зависит всё-таки от теоретических основ. Причём эти теоретические основы не надо понимать в узком смысле, что кто-то занимается только понятийным аппаратом, только категориями, только уровнем. Исследователи должны быть подготовлены во всех специальных социологических теориях. Тогда мы поднимемся на новый уровень. Журнал «Социс» провёл 19 Харчевских чтений, все они были посвящены тем или иным аспектам теории.

Второй момент. Тут практически не говорили о методах познания, но я думаю, что это необходимо. Мы, в конечном счёте, оперируем теми методами, которые использовали наши предшественники. А новые методы применяются и используются в очень незначительном объёме и далеко не всеми коллегами. Я думаю для того чтобы поднять это на новый уровень, необходимо понять, что методы познания – это наш ключевой момент, который обогатит и теорию.

Третий момент, на который я хотел бы обратить внимание. Вы знаете, тут возник спор, есть ли мелкие и не мелкие проблемы. Я и в журнале ориентируюсь на то, что вообще всё поле социологии – это поле наших забот, но всё-таки мы должны отвечать на потребности времени и особо выделять острые, актуальные, значимые проблемы. И на них, в общем-то, ориентировать задания и планы.

В своё время мне понравилось высказывание Инны Владимировны Рыбкиной, которая, выступая среди молодёжи, сказала: «Среди вас много сторонников примыкательства к уже известным, особенно западным, теориям». Она употребила именно такой термин – «примыкательство». И в самом деле, часто так бывает, что достаточно сослаться на Вебера, Дюркгейма, Парсонса или кого-то из новых западных теоретиков – и этого уже вроде бы достаточно для того, чтобы доказать свою значимость и актуальность. Нам надо, вероятно, в большей мере и обращать внимание на отечественное наследие. Уже шла речь об истории нашей социологии. Вы знаете, я обратил внимание, что, оказывается, не только в дореволюционной, и в советской социологии 1920-х годов было сделано очень много интересных попыток исследования и молодёжи, и рабочего быта, и культуры. Но очень многие наработки остались в тени.

Ну и последний момент о том, с чего начал Михаил Константинович – с образования. Вы знаете, я представляю РГГУ, где 60 мест представлено на очном, правда, это не только дневное, но и вечернее и заочное образование. И ещё 40 человек принесли документы на платное отделение. То есть около 100 человек у нас обучаются в этом году. Наши студенты в основном требуют хлебного знания, то есть того, что в перспективе должно привлечь работодателя. И вопросы, которые бы ориентировали на историю социологии, теорию социологии, некоторые обобщения молодёжь почти не интересуют. И тут в общем-то иногда трудно возражать: они смотрят на перспективу, где устроиться. И вот решить эту проблему в образовании между тем, чтобы были истинные продолжатели нас в науке и тем, чтобы мы создавали квалифицированные кадры для народного хозяйства, культуры – это проблема, которую предстоит нам решать и через наши учебники, и через методы, которыми мы доносим наше знание. Вот этот момент, я думаю, нужно учесть в нашей работе. Благодарю за внимание.

Татарова Галина Галеевна

Доктор социологических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Уважаемые коллеги! В выступлении Михаила Константиновича я обратила внимание на два ключевых понятия. Первое – профессиональный ресурс и второе – инвентаризация. Мне думается, это очень важные понятия, которые мы на самом первом этапе существования нашего центра должны отразить. И вот что я имею в виду.

Разумеется, нам надо оценить профессиональный ресурс, которым располагает центр – это очевидно. А как? На основе инвентаризации. Это тоже понятно. Но возникает вопрос: а инвентаризация должна быть просто самоцелью, или всё-таки есть какой-то аспект, который от этой инвентаризации позволит нам перейти на другой уровень? Насколько я понимаю, инвентаризация будет проводиться по тем данным, которые накоплены, по разработанным методикам, концептуальным схемам и так далее. Но нужно не просто посмотреть, что у нас накоплено, а для того, чтобы попытаться поставить новые задачи для перехода к интеграции. И вот эти интеграционные процессы, на мой взгляд, должны быть осмыслены на самом первом этапе. Это совершенно очевидно, потому что как только мы принципы интеграции выдвигаем, возникают вопросы интеграции знания, интеграции данных, а вот для это несколько предложений у меня есть.

Первое предложение. Все говорили о забытом исторической опыте. Но ведь и советский опыт тоже забыт, к сожалению. Это во многих отраслях социологии проявляется, в частности, и в области методического обеспечения. Когда-то была такая традиция, что весь инструментарий проходил методический совет. Разумеется, сегодня ситуация другая – каждый сам отвечает за свой инструментарий. Но у меня есть такое предложение, чтобы сделать некую онлайн-базу, онлайн-методкабинет. Чтобы все разработанные инструментарии были доступ-

ны вторичному анализу. Впрочем, как и данные. Отсюда сразу возникает проблема этого вторичного анализа. Собственно говоря, мы этим все занимаемся, например, на основе базы данных RLMS—HSE¹. Но всё-таки у нас есть масса исследований, где накоплен собственный большой опыт. Мы с Галиной Петровной Бессокирной сначала в онлайн-режиме в институте выложили несколько публикаций. Концептуальные схемы, инструментарии, индексы и так далее — то, что сложно опубликовать в широком масштабе. Предлагаю с этого начать, поскольку как бы у нас ни развивалась коммуникация, мы все равно мало знаем, например, питерские анкеты, вопросники. Почему бы их не опубликовать. Как только мы проведем эту инвентаризацию, мы увидим проблемы, связанные с методологической культурой проводимых исследований, нравится вам это или не нравится. Хотя мы всё это знаем, но молчим, не хочется же нам самих себя критиковать.

Второе мое предложение связано с тем, что с момента создания Федерального центра вся продукция, весь инструментарий по сбору данных должен, мне кажется, проходить методическую экспертизу. И статья примером для других организаций. Мне кажется, это довольно-таки простой путь, по которому мы можем, во-первых, увеличить свой ресурс. Профессиональный ресурс не только надо оценить с позиций того, что сейчас есть, а посмотреть на его болевые точки, на то, в каком направлении можно этот потенциал увеличить. Потому что только решением мировых социальных проблем мы этот потенциал вряд ли увеличим. А вот забытым ныне социологическим обеспечением изучения тех или иных социальных проблем, наоборот, на мой взгляд, поможем. Отсюда следует, что характер научной коммуникации у нас в Федеральном центре тоже должен поменяться. Должно быть нормальное отношение к критике, но и критика должна быть доброжелательная, для того чтобы на самом деле помочь другу. Спасибо.

Дробижева Леокадия Михайловна

Доктор исторических наук, руководитель Центра межнациональных отношений,

Институт социологии ФНИСЦ РАН, член Совета при Президенте РФ

по межнациональным отношениям

Уважаемые коллеги! Мне кажется, для того чтобы наши знания, которые у нас есть, были более широко представлены в обществе, необходимо задействовать не только публикации в прессе, но в первую очередь наш сайт, на котором была бы возможность открыть публичную дискуссию, отвечая на актуальные во-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS—HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS—HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>). Мониторинг представляет собой серию общенациональных репрезентативных опросов, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки.

просы. Например, сейчас обсуждается проблема образования. Можно выложить всё, что у нас есть по образованию. И к нам будут приходить отовсюду, со всей страны. И регионалы, и не регионалы, и исследовательские центры. Идёт обсуждение пенсий – представили нашу информацию на сайт и получаем обратную связь и на нас смотрят, что мы, как учёные, можем предложить. Тогда мы будем интересны и будем нужны и административным структурам, а не только коллегам. А административные структуры будут давать нам заказы, как они дали ВММО от МИДа. Нам же тоже может и Министерство труда, и Пенсионный фонд заказывать исследования, чтобы получать от нас информацию. Это первое предложение.

Второе – финансовое обеспечение наших связей между структурами, которые вошли в Федеральный центр. Я, например, очень заинтересована в контактах с нашими питерцами. Но у нас нет денег для этого, потому что все средства, даже грантовские, мы тратим на работу в регионах. Если будет возможность иметь хотя бы небольшой фонд на обмен, то это будет способствовать укреплению наших реальных связей. Но для этого нужно выбирать такие темы, которые были бы интересны для всех. Спасибо.

Каныгин Геннадий Викторович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Социологический институт ФНИСЦ РАН

Добрый день, уважаемые коллеги! Сегодня много говорится о том, что существует экономика знаний. Я полагаю, что было бы оправданным, если бы удалось развивать социологию знаний, то есть методы и технологию управления знаниями, которая ориентирована по специфицированному полю. Задачи – описание и управление современным информационным обществом. Так или иначе, такая дисциплина должна возникнуть, если она ещё не очень институировалась, но для центра должно быть крайне важно, жизненно важно быть связанным с этим новым научным направлением. И идеология, методы управления, как мне кажется, могли бы быть крайне полезны для интеграции самих социологических исследований – то, о чём говорила Галина Галеевна (Татарова).

Ещё один вопрос – тематика теории и методов социологических исследований, которая сейчас настолько актуальна, что, мне кажется, полезно в рамках нашего научного центра обсуждать это как-то более предметно, более направленно. Потому что за последние несколько лет у нас появились достаточно интересные результаты, которые необходимо обсуждать с теми коллегами, которые заинтересованы в инструментальном развитии социологических идей и методов. И мне кажется, что это было бы полезно также в плане выработки некоторых предложений по сотрудничеству с организациями, которые работают в области интенсивных технологий. Всё это вместе будет способствовать консолидации научно-исследовательских сил. Спасибо.

Семенова Виктория Владимировна
Доктор социологических наук, профессор, ГАУГН

Уважаемые коллеги! Я хотела бы присоединиться к нашему коллеге из Социологического института и сказать по поводу теоретической ориентации Федерального центра. Это, пожалуй, самое важное направление, которое необходимо не только Федеральному центру как академическому центру. Поскольку без теории, действительно, невозможно дальнейшее развитие социологии. И в этом отношении я бы хотела посмотреть на эту проблему со стороны уже существующего проекта «Социология постмодерна», которым занимается и З. Бауман, и многие другие исследователи. В принципе, основное, на чём строится база по теоретизированию в современной социологии в эпоху постмодерна это, конечно, парадигмальный подход. И в принципе, это то, о чём давно говорил Владимир Александрович Ядов. Мне кажется, что это очень важно в наше время развивать такой подход, потому что общество очень сильно меняется.

Мы говорим о больших проектах, о масштабных межгосударственных проектах. Но с другой стороны, плюрализм нашей социальной жизни таков, что возникает очень много мелких, локальных проблем, очень много проблем вариативного, непостоянного, нестабильного, хронического хаоса. И поэтому, в принципе, это должны быть не только проблематика социоструктурного подхода. Это должна быть и социальная антропология, и визуальная социология, и семиотика, и социолингвистика, потому что в принципе очень много сейчас в обществе того, что связано с символическим, например, потреблением.

Поэтому мне кажется, что разнообразие методов в рамках теоретического подхода необходимо прежде всего для того, чтобы развиваться. Приведу небольшой пример возможного разнообразия таких подходов. Мы в своём исследовании задумали такой маленький эксперимент. Мы попросили наших респондентов нарисовать свою линию жизни. Сначала мы думали, что такой экспериментальный момент нам ничего не даст. Но когда мы сравнили данные рисунки линий жизни представителей старшего поколения и младшего поколения, оказалось, что люди по-разному живут в социальном пространстве. Нормативность социального пространства воспринимается людьми совершенно по-другому. Если у старшего поколения эти рисунки были пирамидальные, которые возводили их вверх по социоструктурной лестнице и совпадали с их перемещениями в профессиональной структуре, то молодое поколение рисует совершенно по-другому социальное пространство — несистемным, неориентированным, больше расположенным в горизонтальном направлении, такое как множественное пространство начала жизни в разных социальных контекстах. Мне это кажется важным, потому что в принципе мы рассуждаем о социоструктурном подходе и рассуждаем о людях, которые принадлежат к определённым социальным структурам, но я не уверена, что наши респонденты так уж чётко ощущают себя в рамках определённых

ных социальных структур, особенно в нынешнее время, когда всё очень резко меняется — и социальный статус, и профессиональный статус, и географическая принадлежность. Поэтому восприятие этого социального пространства осуществляется совершенно по-другому. И возвращаясь к теоретическим парадигмам хочу отметить, что нужно использовать множественный подход в рамках теоретического подхода. Спасибо.

Узунов Владимир Владимирович
Доктор политических наук, доцент,
Университет экономики и управления (г. Симферополь),
директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН

Добрый день, уважаемые присутствующие! Хочу, конечно, поздравить всех с праздником, с Международным днём социологии, с Днём социолога в России. Для меня лично это знаковое событие, так как это первое выступление на таком высочайшем уровне Российской Федерации в обществе социологов. Хотел бы, конечно, сказать: проблема, которая была в самом начале озвучена Михаилом Константиновичем, также присутствует в нашем регионе, в республике Крым. Она имеет, как мы уже заметили, системный характер.

Среди молодёжи специальность «социология» не особо, может быть, популярна. Такое мнение студенты сами высказывают, мы уже проводили свои внутренние исследования данного вопроса. И, насколько я знаю, этот вопрос также Михаил Константинович обсуждал с главой республики, и он был одним из самых основных, потому что сама популяризация специальности даст свои плоды в дальнейшем.

Хотелось бы, конечно, сказать, что Крым с момента вступления в состав Российской Федерации зашёл на орбиту регионов в полном объёме. А вот то, что касается изучения общества, естественно, то этому процессу должна быть придана определённая динамика. И мы очень рады, что всё-таки Крымскому филиалу быть — это долгожданное событие. Таким образом, мы получим возможность участвовать в тех задачах, которые стоят перед Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, быть в направлении данной деятельности.

Сама республика Крым интересна своими особенностями, потому что регион в части особенностей имеет свои отличительные черты. Это и поликонфессиональная составляющая, и молодёжная, и политическая, когда по исторически непродолжительным меркам Крым менял государственность несколько раз — это и передача в 1954 году Украинской ССР, и возвращение Крыма России в 2014 году, и ещё события 1994 года, когда крымчане впервые высказались за вхождение в состав Российской Федерации. Это то единое мнение в обществе, которое было у крымчан ещё до событий 2014 года, а не воз-

никло в момент референдума, как об этом говорят в СМИ. Это те вопросы, которые могут быть очень интересны при исследовании всего российского общества. Спасибо.

Черныш Михаил Фёдорович

Первый заместитель директора ФНИСЦ РАН

по координации научной и научно-образовательной работы

Уважаемые коллеги! Сегодня было высказано очень много интересных и полезных высказываний. Но, мне кажется, наш разговор о социологии и её роли в современном российском обществе заканчивать нельзя. Мы должны продолжить этот разговор и, я думаю, что он будет продолжен уже в рамках Федерального научно-исследовательского социологического центра. Мы будем находиться в постоянном обсуждении всех тех вопросов, которые мы сегодня поднимали.

Горшков Михаил Константинович

В заключении нашей встречи хочу сказать несколько слов. Действительно, было сказано очень много интересного, много предложений. Я вообще думаю, что этот учёный совет выходит за рамки нашей обычной работы. По насыщенности идей он представляет собой масштабное явление. Первый этап, я думаю, будет для нас очень важным, поскольку, как Валерий Андреевич правильно подчеркивал, можно будет составить некий план действия, пошаговые мероприятия. Мы должны наметить действительно такой порядок действий, причём обязательный к выполнению, в котором сами должны быть заинтересованы больше, чем наши наставники, чиновники, наша управляющая надстройка, потому что именно по составленному плану реальных действий мы сможем действительно двигаться в том направлении, которое сегодня обсуждали.

Поэтому хочу ещё раз поблагодарить широкий круг участников — и выступивших, и тех, кто наблюдал, слушал, записывал. Большое спасибо, благодарность нашим учёным из филиалов. На этом, наверное, мы будем подводить итог этой большой творческой части нашего заседания. Спасибо всем.